

**ОБРАЗ РУССКИХ В «ПУТЕШЕСТВИИ В РОССИЮ ПРИ ЦАРЕ ПЕТРЕ» ЮСТА
ЮЛЯ****Морозов Артем Дмитриевич**

магистрант Московского педагогического государственного университета, РФ, г. Москва

«Поезжайте за границу, и вы узнаете много нового о своей стране» – гласит известная английская пословица. В XVIII веке этой народной мудрости придерживались многие: молодые люди, совершавшие Гран-тур, чтобы приобщиться к другим культурам и расширить свой кругозор; естествоиспытатели, отправлявшиеся в дальние экспедиции ради пополнения коллекций природных диковин; а также торговцы, дипломаты, военные и простые энтузиасты, желавшие увидеть воочию другую часть света.

Наследие путешественников восемнадцатого столетия насчитывает колоссальное количество записок, дневников, писем и других путевых исторических источников. По своему содержанию эти тексты разнородны: они могут включать и фактологический материал (например, сведения о маршруте, политическом и экономическом устройстве посещенной страны, связанные с ней экскурсии в историю), а также не претендующие на достоверность эпизоды с ярко выраженным литературным началом.

Один из исторических источников XVIII века, в котором литературное начало (т. е. образность описаний и красочное изображение картин действительности) проявляется на протяжении практически всего повествования, носит название «Путешествие в Россию при царе Петре» (*En Rejse til Rusland under Tsar Peter*). Это путевой дневник, который вел датский посланник Юст Юль (*Just Juel*, 1664–1715) во время своего пребывания в России.

С 1709 по 1711 годы Юст Юль, выходец из прославленного рода политиков и флотоводцев, находился при петровском дворе и выполнял обязанности чрезвычайного посланника Дании. В его обязанности входило описывать царский двор и правительство, позиции Петра и министров относительно мира и войны со шведами, положение и устройство государственного управления, финансов, армии, флота, а также того, «что случалось с ним по пути» [1;1] как при исполнении служебных дел, так и в частной жизни. По этой причине Юль описывает и встречи с разными людьми, и нанесенные визиты, и посещенные им праздники и торжества – не только то, что непосредственно касалось его дипломатической миссии.

«Путешествие в Россию...» содержит природно-географические и этнографические материалы, информацию о русских мерах длины и веса, расстоянии между городами, численности кораблей, пушек и многом другом. Помимо фактологического материала в этом тексте немало субъективных суждений автора, прежде всего – о русских и их жизни. В связи с этим датский посланник нередко выходит из роли простого наблюдателя и пытается сформулировать личное отношение к окружающей действительности.

В отношении русских Юль использует такие оценочные эпитеты, как «грубый и неотесанный» (*grovt og uskikkeligt*) [2;108], священников он называет людьми «невежественными и глупыми» (*taablige og vankyndige*) [2;271], а солдат – «выносливыми» (*haardfore*) [2;205]. Петра I он описывает как «храброго», «рассудительного», «благочестивого», «просвещенного», «трудолюбивого», «прилежного» и «поистине неутомимого» (*bebiertet, skionsom, gudfrygtig, en elskere af alle videnskaber, arbeidsom, flittig og aldrig trættis*) [2;359] правителя, который обращает «скотов в людей» [1;210] и руководит ими. Оценочные эпитеты Юль активно использует и при характеристике русской культуры, религии и быта: например, выступление скоморохов в честь своего приезда он описывает как «весьма своеобразное и

веселое зрелище» [1;114], святочные песни называет «суетными и кощунственными» [1;210], а постные блюда – «едва пригодными для прокормления собаки» [1;166].

«Путешествие в Россию...» содержит образные сравнения, нередко – людей с животными, которые отнюдь не лишают дневниковые записи исторической ценности. Например, пристава, сопровождавшего иностранца при осмотре новгородского монастыря, Юль сравнивает с «обезьяной» (*abe*) [2;126], так как тот, едва заметив, что монахи целуют иконы, припадают к мощам или молятся, делал то же самое. В другом месте книги он сравнивает с обезьянами русских вообще, правда, делает это не так прямолинейно, как в предыдущем эпизоде. «...Хотя в настоящее время в своем обращении русские и стараются обезьянничать, подражая другим нациям, – саркастически отмечает Юль, – хотя они и одеты во французские платья, хотя по наружному виду они немного и отесаны, тем не менее, внутри них по-прежнему сидит мужик» [1;79]. С другими животными сравниваются царь и его свита: описание приготовлений к Святкам в доме Меньшикова, где «по всем помещениям расставлены были открытые бочки с пивом и водкою» [1;129], заканчивается замечанием о том, что там все напилось как «свиньи» (*sviin*) [2;151]. С русскими попойками связан и эпизод, в котором улицы Петербурга, по словам иностранца-очевидца, «напоминали поле сражения, сплошь усеянное телами убитых» [1;98], – так много на них было пьяниц.

Оценочные эпитеты, образные сравнения и другие тропы, присущие в большей степени литературе художественной, чем документальной, не только точно и емко, но и эмоционально достоверно передают испытанное и пережитое иностранцем в России. Образ русских создается и при помощи стилистических фигур: риторических восклицаний («*Quantae luxuriae sordes!*» – «Сколь велико ничтожество роскоши!») [1;115], риторических вопросов («Но кто перескажет все проявления русской грубости?») [1;85] и риторических обращений («*Risum teneatis amici*» – «Сдержите смех, друзья») [1;110]. Эти риторические средства придают «Путешествию в Россию...» художественно-образную выразительность, обеспечивают достоверное, эмоционально окрашенное представление о русских и вызывают определенное отношение к ним у читателей.

Интересны и те части книги, в которых Юль обращает внимание на то, что кажется ему необычным и чуждым с точки зрения иностранца и что могло бы заинтересовать датчан, и это, прежде всего, русская культура, вера и традиции. Датский посланник подробно описывает придворный быт петровской эпохи, неотъемлемой частью которого были шуты. По словам датчанина, они «орали, кричали, дудели, свистели, пели и курили» [1;91], при этом постоянно сопровождали царя на пирах. Поразило датчанина и то, как один из шутов высморкался мимо лица самого Петра I, а тот не обратил на это никого внимания. «Читателю покажется, пожалуй, удивительным, что подобные вещи происходят в присутствии такого великого государя [...] и остаются без наказания», – догадывается Юль о чувствах соотечественников, читающих его дневник, а далее уверяет, что «удивление пройдет, если примешь в соображение, что русские [...] не всегда умеют отличать приличное от неприличного» [1;94]. О пренебрежении культурой общения и этикетом в России ему становится известно после того, как обер-комендант не нанес визит иностранному гостю первым. «Я знал, что русские, в том числе и он, стали учиться в школе вежливости лишь при теперешнем царе и еще сидели там на скамье тупиц», – саркастически отмечает Юль, а после желает, чтобы «они чему-нибудь научились» [1;67].

Еще одним культурным шоком стали для посланника святочные гуляния, на которых, как он отмечает, «огромным роем налетает компания из нескольких сот человек в дома [...], где по-скотски обжирается и сверх меры пьет, причем многие допиваются до болезней и даже до смерти» [1;129]. Непонимание, но живой интерес вызвали бани, в которых, по словам автора, русские «дерут, скребут и царапают свое тело» вениками, а после выбегают во двор «совершенно голые и красные, как вареные раки» [1;84]. В связи с этим остроумно замечание Юля о том, что в России имеется три доктора, которые «лечат ото всех болезней»: это баня, водка и чеснок, который, по словам датчанина-очевидца, «русские [...] едят сырым среди бела дня», отчего страдают приезжающие к ним иностранцы, «не привыкшие к такого рода вони» [1;85].

В поле зрения Юля попадали самые разнообразные стороны окружающей действительности, и о многом, как видно из примеров, он имел собственное, нередко категоричное мнение.

Иногда автор дневника, будучи носителем другой культуры, сравнивает русские явления с аналогичными датскими. Здесь встречаются эксплицитные – явные и прямые сопоставления с Данией: так, например, Юль пишет, что местные девушки украшают волосы «красной шелковой кистью» [1;85] вроде той, что привешивают к головам лошадей в Дании. Немало в тексте и имплицитных сравнений, где за тем или иным утверждением скрывается обращение к принятому в другой культуре: если автор пишет, что датчане должны благодарить Бога, что ими правит не Петр I, а кроткий и милостивый король, а трехлетние дети на его родине знают о христианском вероучении больше, чем местные взрослые, то читатель понимает, что в России, в отличие от Дании, государь немилостив, а народ невежествен.

Образ русских проявляется и в многочисленных вставных рассказах, выделяющихся на общей фактологической канве повествования как в стилистическом, так и в содержательном плане. Нередко Юль предваряет их замечанием, что сейчас поведает о «любопытной вещи» (*en merkelig ting*) [2;167], обойти молчанием которое он не может. Так, отдельные фрагменты книги воспринимаются как стилизованный под дневник роман о путешествии, и читатель обращает внимание на то, что оказывается между цифрами и фактами, – на своего рода «авантюры» рассказчика с испытанными им в пути неудобствами, неожиданными встречами и другими событиями, нередко переданными эмоционально-экспрессивно. Не без чувства досады описывает датчанин свои напрасные попытки скрыться от Петра I, постоянно принуждавшего его напиваться: когда датчанин пытался спрятаться на мачте корабля, царь это заметил и полез за ним со стаканом в зубах, сел рядом и напоил иностранного гостя так, что тот едва смог слезть на палубу. Показателен и интересен беллетризованный фрагмент, в котором Юль, по совету одного священника, посетил крестьянский дом, якобы облюбованный призраком или чертом. Ничего сверхъестественного, несмотря на проведенную в нем ночь, дипломат не обнаружил, а священник посчитал его изгонителем нечисти, так как с тех пор странные шорохи в доме прекратились.

Таков неоднозначный, но выразительный образ русских, представленный в дневнике Юста Юля. Стремясь заинтересовать и развлечь читателей необычными эпизодами, а также разнообразить документальный текст тропами и стилистическими фигурами, датский посланник придал ему не только историческую, но эстетическую ценность. Все это говорит о желании автора беллетризовать свой дневник, сделать его легко воспринимаемым, живым и занимательным в глазах читателей; а объект изображения – русские и их жизнь – можно считать своеобразным «катализатором» личного, а вместе с тем и художественно-выразительного отношения иностранца к окружающей действительности.

Список литературы:

1. Юль Ю. Записки Юста Юля, датскаго посланника при Петре Великом (1709–1711). – М.: Университетская типография, 1900.
2. Juel J. En Rejse til Rusland under Tsar Peter: Dagbogsoptegnelser af viceadmiral Just Juel, dansk gesandt i Rusland 1709–1711. – København: Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel og Søn), 1893.